

В ушах Кон Цзяцзы раздался мелодичный перезвон, и перед его мысленным взором одно за другим стали всплывать системные оповещения, заполняя сознание яркими строчками.

[Поздравляем! Вы получили: Клинок, пресекающий род]

[Описание: Улучшенная версия «Острого ножика». Достаточно одного удара, чтобы навсегда лишить мужчину его достоинства. Действует исключительно на мужчин.]

[Поздравляем! Вы получили: Мазь из черной яшмы]

[Описание: Улучшенная версия легендарного снадобья из романов уся. Срачивает любые переломы и возвращает утраченную плоть.]

[Поздравляем! Вы получили: 1 бесплатную попытку призыва]

[Поздравляем! Вы получили: Сто лянов золота...]

Золото? Да ещё и целых сто лянов? Кон Цзяцзы так и воспрянул духом, но, заглянув в инвентарь, разочарованно вздохнул. Тяжёлые блестящие слитки не материализовались в ячейках сумки, а превратились в бездушные цифры на панели баланса: «Золото: 100 лянов».

«И как его оттуда вытащить?»

Не успел он обратиться к своему эльфю-наставнику, как 311 восторженно защебетал:

— Кон Цзяцзы, да мы же сказочно богаты! Ты только посмотри: тебе выпала Мазь из черной яшмы! Это же то самое чудодейственное средство из легендарных романов, способное возвращать плоть! Теперь ты сможешь вернуть своё утраченное сокровище на законное место!

— Каких романов? — не понял юноша.

— Ну... сериал такой про боевые искусства. Его раз сто переснимали, я от скуки поглядывал. Но это неважно! Главное — с этой мазью ты снова станешь полноценным мужчиной!

— Но... — Кон Цзяцзы замялся. — Я ведь не евнух от рождения. Если кто-то узнает...

— Скажешь, само отросло! — легкомысленно отмахнулся 311. — Да и кому придёт в голову проверять, что там у дворцового слуги в штанах? А если и сыщется какой-нибудь дотошный зануда — у тебя же есть Клинок, пресекающий род. Чикнешь разок, а потом опять прилепишь на Мазь из черной яшмы!

Кон Цзяцзы лишился дара речи. От этих слов у него фантомно заныло внизу живота, где когда-то находилось то самое мужское достоинство.

Глубоко вздохнув, он попытался успокоиться. Как бы то ни было, вернуть мужскую силу — величайшая удача во всём этом кошмаре.

Вспомнив о насущном, он спросил:

— Погоди, а почему я не могу забрать эти сто лянов золота?

311 заглянул в систему и вздохнул:

— Похоже, золото зачислилось на твой игровой счёт. Извлечь его в реальный мир как квестовый предмет нельзя. Да и откроется ли когда-нибудь магазин — бог весть, система ведёт себя непредсказуемо. Знаешь что? Спусти-ка лучше эти деньги на призыв карт. Хоть удачу поднимешь.

Кон Цзяцзы проверил меню призыва. В запасе у него скопилось три бесплатных попытки: две за выполненные квесты и одна из подарочного сюрприз-набора.

Но ведь это же целое состояние! Целых сто лянов золота! От мысли, что эти богатства канут в бездонную пучину лотереи, не оставив даже кругов на воде, у него кровью обливалось сердце.

[Внимание! Обилие влитых средств развратило алтарь призыва, вызвав едва заметные изменения]

[Текущий показатель удачи: -99 998 990]

Юноша тоскливо прижал ладонь к груди. Никаких изменений он не почувствовал, зато душевная боль стала почти осязаемой. Как же больно...

Рядом так и изнывал от нетерпения 311, потирая ладошки:

— Ну что, крутим? — Но тут же, засуетившись, предложил: — Слушай, а может, совершишь омовение? Наденешь чистые одежды, воскуришь благовония и помолишься великому рандому? Вдруг повезёт, а?

Кон Цзяцзы немного подумал и решил, что в этом есть смысл.

В это время тринадцатый принц, лениво листая книгу и отправляя в рот кусочки сладкого пирога, с изумлением наблюдал, как его слуга, только что смиренно стоявший у стены, вдруг

извлёк откуда-то старую, покрытую вековой пылью бронзовую курительницу.

Его Высочество застыл с открытым ртом, глядя, как Кон Цзяцзы с благоговейным трепетом поджигает благовонную палочку и начинает истово кланяться серой струйке дыма.

Принц даже не заметил, как выронил сладость обратно на стол. Прочистив горло, чтобы привлечь к себе внимание, он попытался изобразить как можно более мягкую улыбку:

— И... что это за ритуал?

Юноша обернулся к нему, сохранив на лице выражение глубочайшего смирения:

— Этот раб молится о благополучии Вашего Высочества. Прошу простить, если я потревожил вас.

Му Юаньюн смутился. Отводя взгляд в сторону, он пробормотал:

— Нет... нисколько.

Кон Цзяцзы тем временем трижды припал лбом к полу, тихо шепча под нос:

— Богиня Милосердия Гуаньинь, Нефритовый император, Будда Шакьямуни, Лао-цзы, Мэн-цзы, Конфуций, Иисус Христос и председатель Мао, защитите и благословите!

«Что за белиберду он бормочет?» — Тринадцатый принц наострил уши, но так ничего и не понял.

Кон Цзяцзы, послушно повторив за эльфом эту дикую мешанину имён трижды, мысленно спросил:

«Этого достаточно?»

— Главное — искренность, — ничуть не смутившись, соврал 311. — Искренняя вера творит чудеса! Давай, крути барабан, нутром чую — сегодня твой день!

Юноша и сам преисполнился надежды. Раз уж он призвал на помощь столько божеств и мудрецов разных эпох, хоть один-то из них должен был откликнуться!

Зажмурившись, он прошептал последнюю, самую заветную просьбу: «И пускай благословит меня Тринадцатый принц».

Перед мысленным взором тут же вспыхнуло системное окно:

[У вас есть 3 бесплатных попытки призыва карт. Желаете ли использовать их сейчас?]

Он без малейших колебаний выбрал «Да».

Му Юаньюн, ловивший каждое слово своего слуги, отчётливо услышал его шёпот и окончательно растерялся.

«Он просит у меня благословения? Но на что?»

Любопытство жгло его изнутри, строчки в книге окончательно расплылись. Стукнув переплётом по столу, Его Высочество поднялся, решив прямо спросить у Кон Цзяцзы, какая муха его укусила. Но стоило ему взглянуть на юношу, как все слова застряли в горле. Лицо того, только что сиявшее надеждой, теперь выражало лишь бездонное отчаяние и горькое раскаяние.

Вся строгость Тринадцатого принца мигом испарилась. Голос его дрогнул:

— Что... что с тобой стряслось?

Кон Цзяцзы был раздавлен. Вопрос принца донёсся до него словно сквозь толщу воды. Взгляд его оставался остекленевшим, а по бледной щеке медленно покатилась одинокая слеза.

В прошлой жизни Му Юаньюн провёл рядом с ним долгие годы и изучил его нрав до мельчайших черт. Кон Цзяцзы всегда отличался невероятной гордостью и несгибаемой волей.

Тогда, в самые мрачные и опасные времена, Кон Цзяцзы закрыл его собой от верной смерти. Получив тяжелейшие раны, истекая кровью, он всё равно находил силы улыбаться. Му Юаньюн тогда сам едва не расплакался от ужаса, а этот гордый юноша не проронил ни слезинки, не издал ни единого стога. Лишь тихо, преодолевая боль, шептал побелевшими губами: «Хозяин... ваш раб в порядке».

Тринадцатый принц порывисто шагнул к нему, не в силах скрыть охватившую его панику. Что могло так подкосить человека из чистой стали? Отчего он вдруг стал таким уязвимым и беззащитным?

Сердце принца болезненно сжалось. Он протянул руку и мягко стёр слезу с щеки юноши. Голос его непроизвольно стал мягким, почти ласковым:

— Ну же, скажи мне. Что случилось? Всё ведь было хорошо. Кто тебя обидел?

— Эх... — вздохнул Му Юаньюн. Будучи на полголовы выше, он осторожно погладил Кон Цзяцзы по волосам. — Неужели ты не можешь довериться мне?

В душе Кон Цзяцзы бушевал ураган из ярости и раскаяния. Слова принца лишь сильнее бередали рану, а жужжащего под ухом 311 хотелось прихлопнуть как назойливую муху. Это ведь этот проклятый эльф подбил его на авантюру! Если бы не его глупые советы, разве спустил бы он три бесценных попытки призыва псу под хвост?

Три попытки! И целых сто лянов чистейшего золота!

И ради чего? Ради трёх Мешочков для сокровища!

Кон Цзяцзы до скрежета сжал зубы. На кой чёрт ему сдались эти дурацкие Мешочки для корня жизни, да ещё в таком количестве?! Он же не безумный маньяк, чтобы разгуливать по дворцу и кастрировать несчастных встречных!

Услышав ласковый голос Му Юаньюна и почувствовав тёплую ладонь на своей макушке, Кон Цзяцзы дрогнул. Непреодолимая тоска и потребность в тепле захлестнули его. Судорожно ухватившись за расшитый рукав принца, он пробормотал едва слышное: «Ваш раб заслуживает смерти за дерзость...» — и, уткнувшись лицом в его плечо, безудержно разрыдался.

Будь проклята эта системная лотерея! Это же форменное издевательство!

Му Юаньюн не шевелился, позволяя юному евнуху выплакать всё горе на его плече. На душе у принца было непривычное смятение — смесь нежности, щемящей грусти и непонятного трепета. Он вдруг осознал: перед ним сейчас стоит всего лишь ранимый подросток. Как бы тот ни пытался казаться сильным и независимым, он ещё не превратился в того непоколебимого, циничного Кон Цзяцзы, каким был в прошлой жизни.

Его Высочество не знал, радоваться этому или печалиться. В их прошлую встречу они оба были уже зрелыми мужчинами. К тому времени Кон Цзяцзы успел пройти через все круги ада, ожесточившись сердцем. И даже став верным спутником принца, он не ведал покоя — лишь бесконечные интриги, ранения и шрамы, которых было не счесть.

Но теперь судьба подарила им второй шанс. Му Юаньюн больше не был тем слепым глупцом, не способным уберечь преданных ему людей. Он ласково похлопал юношу по вздрагивающим плечам.

«В этой жизни я сам защищу тебя».

Кон Цзяцзы шмыгнул носом и поспешно отстранился. Поймав на себе пристальный взгляд Тринадцатого принца, он густо покраснел от стыда и неловкости. Пospешно опустившись на колени, он пробормотал дрожащим от сдерживаемых слёз голосом:

— Ваш раб забыл о приличиях. Молю Ваше Высочество о наказании.

Му Юаньюн не сдержался и тихо рассмеялся. Потянув юношу за локоть, он заставил его подняться:

— Да за что тебя наказывать? Глупости какие. Ну же, утри слёзы. Кто мы друг другу? Да, формально — господин и слуга. Но ведь ты единственный, кто предан мне всей душой. В прошлой жизни я был невыносим: упрям, высокомерен, жесток. Все вокруг либо боялись меня, либо тихо ненавидели. И только ты оставался рядом без капли фальши.

Принц горько вздохнул:

— Пускай я, Му Юаньюн, далеко не святой. Но раз уж в этом холодном мире нашлась одна живая душа, разглядевшая во мне человека, я могу предать кого угодно, но только не тебя. Иначе грош мне цена, и я заслуженно останусь один до конца своих дней.

— Пусть я прослыл сумасбродом, но дураком никогда не был, — он шутливо укорил заплаканного слугу. — Кончай сырость разводить. Давай договоримся так: отныне мы с тобой братья. Называй меня просто братом. Если случится беда или кто-то обидит — говори мне прямо, как старшему. И забудь ты про эти вечные поклоны да чины, не таи в себе обиды.

— Хозяин... — Кон Цзяцзы потрясённо уставился на него. У него, в отличие от пришельца из будущего 311, не было современных представлений о равенстве. Он вырос в строгом сословном мире и прекрасно понимал своё положение. Как бы горько ни было признавать, он оставался бесправным, презираемым всеми евнухом. А стоящий перед ним юноша — сын правящего императора, чья кровь священна и благородна.

— Опять за своё? — Му Юаньюн шутливо ущипнул его за щёку. Видеть растерянность на этом обычно невозмутимом лице было сплошным удовольствием. В этой жизни Кон Цзяцзы разительно отличался от прежнего себя — он больше не носил ту непроницаемую маску холодного почтения, за которую никогда никого не впускал.

Сейчас он умел искренне плакать и смеяться, а когда сердился, он забавно округлял глаза. Это выглядело на удивление мило.

— Называй меня братом, — принц широко улыбнулся и требовательно добавил: — Живее, это императорское повеление!

Где это видано, чтобы правители отдавали такие приказы?

В груди Кон Цзяцзы воцарилось полное смятение. Его пугало это внезапное панибратство. Он чувствовал себя недостойным подобной чести, но в то же время поражался легкомыслию Тринадцатого принца. Ну где в анналах истории видано, чтобы августейшая особа браталась со

слугой-кастратом? Такого не случалось со времён сотворения мира.

Кон Цзяцзы был сыном опального чиновника. Их род уничтожили под корень: мужчин казнили, женщин угнали в публичные дома, где те не вынесли позора и в первый же год наложили на себя руки. Он оставался совсем один на всём белом свете. С самого детства он не знал ласки, не видел от людей ничего, кроме пинков, издевательств и презрительного равнодушия. Понятие заботы или любви было ему неведомо.

Возможно, для Тринадцатого принца это было лишь секундной причудой, забавной игрой. Но Кон Цзяцзы принял эти слова всем своим израненным сердцем. И теперь его сковывал священный трепет. Если в этой безжалостной вселенной действительно нашёлся человек, готовый подарить ему хоть каплю тепла... он без раздумий отдаст за него жизнь.

Юноша опустил взгляд, скрывая бушевавший в глазах ураган чувств. Он прекрасно понимал, что преступает черту, что это безумие, непозволительная дерзость... Но противиться искушению не было сил. Душа его слишком истосковалась по человеческому теплу.

— Брат... — едва слышно выдохнул он, наконец переступив через свой страх.

<http://bllate.org/book/18226/1758601>